

Научная статья / Research Article

УДК 316.44

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.14258/SSI\(2024\)1-06](https://doi.org/10.14258/SSI(2024)1-06)

Цифровой социальный капитал российских регионов: теоретические подходы и практические аспекты

Максим Александрович Бородкин

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
maksim.a.borodkin@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4807-2331>

Аннотация. Цифровизация является одним из стратегических направлений региональной повестки в России, при этом проблема цифрового неравенства в различных регионах РФ остается актуальной, что влияет на экономические и социальные возможности населения этих регионов. Актуальность исследования определяется научной и практической значимостью изучения факторов, определяющих масштаб и темпы развития цифровых технологий для расширения различных сфер деятельности в регионах России и, в частности, формирующих цифровую среду социального капитала регионов. Цель статьи — рассмотреть теоретические подходы к пониманию цифрового капитала, включая соотношение цифрового и человеческого капитала, а также проанализировать практику формирования цифрового капитала в регионах России. Эмпирическую базу исследования составили данные Росстата, представленные в виде диаграмм с последующим описанием и анализом. Результаты показывают отсутствие существенного цифрового неравенства регионов, при этом за период 2018–2022 гг. наблюдается поступательный рост цифровизации во всех регионах РФ. Развитие цифрового капитала региона определяется не только формированием цифровой среды, но и созданием условий для увеличения цифрового капитала населения в части соответствующих потребностей, навыков и компетенций проживающих там граждан. При этом особое внимание должно быть уделено людям пожилого возраста и лицам с ограниченными возможностями.

Ключевые слова: цифровизация, социальный капитал, цифровой капитал, регионы России, цифровые технологии, интернет, социальные услуги

Финансирование: исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (РНФ) в рамках научного проекта № 19-18-00246-П, реализуемого в Санкт-Петербургском государственном университете.

Для цитирования: Бородкин М.А. Цифровой социальный капитал российских регионов: теоретические подходы и практические аспекты // Society and Security Insights. 2024. Т. 7, № 1. С. 87–102. doi: 10.14258/ssi(2024)1-06.

Digital Social Capital in Russian Regions: Theoretical Approaches and Practical Issues

Maksim A. Borodkin

St Petersburg University, St. Petersburg, Russia
maksim.a.borodkin@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0005-4807-2331>

Abstract. Digitalization is one of the strategic directions of the regional agenda in Russia, while the problem of digital inequality in various regions of the Russian Federation remains relevant, which affects the economic and social opportunities of the population of these regions. The relevance of the study is determined by the scientific and practical significance of studying the factors that determine the scale and pace of development of digital technologies for the expansion of various fields of activity in the regions of Russia and, in particular, shaping the social capital of the regions in the digital environment. The purpose of the article is to consider theoretical approaches to understanding digital capital, including the relationship between digital and human capital, as well as to analyze the practice of forming digital capital in the regions of Russia. The empirical basis of the study was made up of Rosstat data, presented using tables with subsequent description and analysis. The results show the absence of significant digital inequality in the regions, while for the period 2018–2022. There is a progressive increase in digitalization in all regions of the Russian Federation. The development of the digital capital of the region is determined not only by the formation of the digital environment, but also by the creation of conditions for increasing the digital capital of the population in terms of the relevant needs, skills and competence of the citizens living there. It should be noted, that special attention should be paid to elderly people and people with disabilities.

Keywords: digitalization, social capital, digital capital, Russian regions, digital technologies, internet, social services

Financial Support: the research was carried out with the support of the Russian Science Foundation (RSF) within the framework of scientific project No. 19-18-00246-P, implemented at St Petersburg University.

For citation: Borodkin, M.A. (2024). Digital Social Capital in Russian Regions: Theoretical Approaches and Practical Issues. *Society and Security Insights*, 7(1), 87–102. (In Russ.). doi: 10.14258/ssi(2022)1-06.

Введение

Интенсивное использование цифровых технологий существенно меняет модели ведения бизнеса, государственного управления, труда, досуга и, следовательно, является одним из драйверов социально-экономических преобразований на современном этапе, особенно на региональном уровне. Создание новых механизмов социального регулирования, а также адаптация постиндустриальной экономики к современным цифровым параметрам приводит к появлению новых объектов исследования, таких как цифровой социальный капитал регионов, требующих исследования как фундаментального, так и прикладного характера.

Информационно-коммуникационные технологии обычно относятся к технологиям, которые используются для передачи, обработки и хранения данных с использованием электронных средств (электронная почта, текстовые SMS-сообщения, видеочат, социальные сети онлайн и т.д.) и различных вычислительных устройств, таких как компьютеры, смартфоны и т.д. (Перрон и др., 2010). Цифровые технологии представляют, передают и хранят данные посредством электронных носителей, что упрощает и ускоряет процесс обработки существующих данных. Благодаря массовому внедрению этих технологий в разные сферы жизни становится доступно множество цифровых решений, которые Еврофонд (Molinuevo, 2020) структурирует по трем основным направлениям: 1) автоматизация работы, 2) цифровизация процессов, 3) работа через цифровые платформы. Процесс внедрения информационно-коммуникационных технологий и цифровых технологий в практику различных учреждений и служб государственного и неправительственного секторов называется «цифровизацией».

В свою очередь, социально-экономическое развитие стран и регионов, основанное на масштабном использовании цифровых технологий, принято называть цифровым развитием. Управление цифровым развитием регионов предполагает не только решение вопросов развития и использования цифровых технологий, но и влияние на условия масштабного и эффективного использования этих технологий. Типичным примером может быть ситуация с компьютеризацией и подключением школ к Интернету.

В России существует программа «Цифровая экономика Российской Федерации», которая активно обсуждается в российском научном дискурсе, в частности, ее потенциал и перспективы реализации в современных российских условиях (Бабкин и др., 2017; Савина, 2018).

Исследования, посвященные детерминантам цифрового неравенства в регионах, довольно редки. Ряд таких исследований относится к объяснению региональных различий в уровне использования Интернета населением. Используя материалы из регионов США, некоторые авторы выявляют и обосновывают такие факторы различий в использовании Интернета, как уровни образования и доходов (Srooper, 2003). Европейские исследователи используют более широкий спектр факторов для объяснения этого явления, таких как ВРП на душу населения, уровень безработицы, плотность населения, человеческий капитал (Billon et al., 2008). Кроме того, учитывается еще один фактор — доля занятых в науке и технологиях, что вместе с уровнем ВРП на душу населения положительно влияет на уровень использования Интернета домохозяйствами (Vicente & Lopez, 2011).

Проблематикой исследования настоящей статьи является анализ теоретических подходов к определению цифрового социального капитала российских регионов, а также анализ фактических данных о цифровизации регионов Российской Федерации. Результат исследования предполагает формирование дефиниции цифрового капитала в контексте российских регионов с учетом оценки таких факторов, как цифровая среда региона, а также цифрового спроса, соответствующих навыков и компетенций граждан.

Теоретические подходы

Человеческий и социальный капитал

Для определения содержания и составляющих элементов цифрового социального капитала представляется целесообразным сначала обозначить теоретические подходы к пониманию и описанию человеческого капитала во взаимодействии с социальным капиталом, поскольку последний непосредственно влияет на создание человеческого капитала.

Основателями современной теории человеческого капитала являются американские экономисты Т. Шульц и Г. Беккер.

Первое определение человеческого капитала принадлежит Т. Шульцу. В своей работе «Инвестирование в человеческий капитал» Т. Шульц писал, что понятие капитала основано на наличии чего-то реально существующего, обладающего экономическим свойством предоставления будущих услуг, имеющих некоторую ценность. Понимание капитала как чего-то, что обеспечивает будущие услуги, позволяет перейти к последующему разделению целого на две части: человеческий и нечеловеческий капитал (Schulz, 1961).

Г. Беккер разработал теорию человеческого капитала. Он внес наибольший вклад в это научное направление и поэтому считается общепризнанным создателем научной школы в рамках концепции человеческого капитала. В книге «Инвестирование в человеческий капитал», вышедшей в 1962 г., Г. Беккер писал, что человеческий капитал формируется посредством инвестиций в людей. Основными областями инвестиций он считал образование, производственное обучение, расходы на здравоохранение, миграцию и поиск информации о ценах и доходах (Becker, 1962). По его мнению, эти затраты в различной степени способствуют развитию производительных сил, интеллектуального и культурного потенциала человека.

Дж. Коулман отмечает, что человеческий капитал создается изменениями в людях, которые приводят к появлению навыков и способностей, позволяющих им действовать по-новому. Однако социальный капитал возникает благодаря изменениям во взаимоотношениях между людьми, которые облегчают действия. Если физический капитал вполне осязаем, будучи воплощенным в наблюдаемой материальной форме, а человеческий капитал менее осязаем, воплощаясь в навыках и знаниях, приобретенных личностью, то социальный капитал еще менее осязаем, поскольку он существует во взаимоотношениях между людьми. В своих работах Дж. Коулман пытался ввести в социальную теорию понятие «социальный капитал», аналогичное понятиям финансового капитала, физического капитала и человеческого капитала, но воплощенное в отношениях между людьми. Это часть теоретической стратегии, которая предполагает использование парадигмы рационального действия, но без предположения об атомистических элементах, лишенных социальных отношений. Автор продемонстрировал использование этой концепции, показав влияние социального капитала в семье и обществе на формирование человеческого капитала (Coleman, 1986, 1988).

Таким образом, из приведенного выше содержательного описания человеческого и социального капитала следует, что все социальные отношения и соци-

альные структуры в той или иной форме способствуют созданию социального капитала. При этом субъекты устанавливают эти отношения или продолжают их до тех пор, пока они приносят пользу. Особо следует отметить эффект социального капитала как его влияние на создание человеческого капитала в настоящее время и в следующем поколении. Именно нематериальные ресурсы, такие как социальный капитал, являются средством достижения прогресса, который, в свою очередь, удовлетворяет потребности нынешнего и будущих поколений.

Цифровой капитал и цифровая грамотность

Одной из ключевых категорий формирования и содержания цифрового капитала является цифровая грамотность. Следует отметить, что цифровая грамотность отражает прежде всего индивидуальный уровень, тогда как цифровой капитал является более общим понятием.

А. Букхорст (2013) указывает на взаимосвязь большого количества «грамотностей» друг с другом: медиаграмотности, компьютерной, визуальной, критической, новостной грамотности и др. Часто понятия «цифровая грамотность», «электронная грамотность», «информационная грамотность» и «интернет-грамотность» используются авторами как синонимы, поскольку констатируют факт эволюции понятия грамотности, ее статуса и связанных с ним процессов (Касинскайте-Буддеберг, 2013). Букхорст приходит к выводу, что грамотность включает в себя компоненты технологического и информационно-коммуникационного содержания.

По мнению П. Гилстера, цифровая грамотность создает новые формы поведения, способы поиска информации и особенности общения. Поэтому критериями достижения цифровой грамотности являются, с одной стороны, критерии медиаграмотности, с другой стороны, навыки поиска необходимой информации и инструментов для работы с ней, умение быстро овладевать этими инструментами, умение общаться с другими пользователями, производить информацию в различных формах и форматах (Gilster, 1997).

Российский ученый А. Шариков предлагает четырехкомпонентную модель цифровой грамотности (Шариков, 2016):

1. «Технические и технологические возможности». Данная составляющая связана со сферой образовательной деятельности, которую часто организуют крупные компании, производящие оборудование и программное обеспечение.
2. «Содержательно-коммуникативные возможности». Этот компонент охватывает широкую область практик, традиционно рассматриваемых в контексте медиаобразования. Ставятся задачи по созданию собственных информационных материалов — от текстов и фотографий до видеосъемок, аудио- и видеомонтажа. Кроме того, в рамках данного компонента развиваются аспекты понимания медиатекстов, умения их оценивать и интерпретировать.
3. «Технико-технологические угрозы». В данном случае наблюдается сходство с областью практик, связанной с компонентом «технико-технологические возможности». Инициатива в основном исходит от крупных ИТ-компаний, которые занимаются вопросами кибербезопасности.

4. «Социопсихологические угрозы». В нем представлен обзор существующих подходов, проблем и практик, касающихся психологических, этических и правовых аспектов информационной безопасности при работе с цифровыми технологиями.

Таким образом, можно резюмировать, что наличие цифрового капитала предполагает определенный уровень цифровой грамотности, которая является одной из его ключевых составляющих. При этом цифровой капитал включает в себя как определенные компетенции и навыки (т.е. цифровую грамотность), так и соответствующую технологическую среду, без которой развитие этих компетенций крайне проблематично. Цифровая грамотность, с одной стороны, предоставляет людям определенные возможности, с другой — нейтрализует угрозы цифровой среды, в которой живет и функционирует большая часть населения в XXI в. Работы Букхорста, Гильстера, Шарикова показывают, что цифровая грамотность представляет собой многоуровневое понятие. Оно включает в себя как определенные компетенции в разных видах деятельности, так и определенные модели поведения, которые позволяют человеку не только ориентироваться и быть успешными в современной цифровой среде, но и противостоять негативному влиянию такой среды на формирование личности и жизни в общем.

Цифровой социальный капитал

Теоретические предпосылки изучения фундаментальных оснований капитала. Пьер Бурдьё выделял уровень социальных обменов во внешнем капитале и доступе к институциональным ресурсам в качестве его основы (Bourdieu, 1986). В то же время, несмотря на структурные и институциональные ограничения, связанные с указанным статусом, полом и этнической принадлежностью, Бурдьё рассматривает социальный капитал как характеристику личности, а не группы (Bourdieu, 1992). Кроме того, Бурдьё отмечает, что конвертируемость различных видов капитала лежит в основе стратегий, направленных на обеспечение воспроизводства капитала (и занимаемого положения в социальном пространстве) посредством конверсий, минимально затратных с точки зрения конверсионной работы и снижения конверсионных потерь. Различные виды капитала можно определить с точки зрения их воспроизводимости, точнее, до сих пор легко они передаются с появлением или увеличением потерь. Скорость потерь и степень сокрытия имеют тенденцию изменяться обратно пропорционально (Bourdieu, 1986).

В рамках исследования рассматривается цифровой капитал как вид социального капитала в цифровом обществе. Цифровой капитал — это концепция, открытая для дискуссий, которую необходимо изучить, чтобы определить ее составные элементы. Согласно дефиниции, предложенной М. Рагнетта, цифровой капитал определяется как накопление цифровых компетенций (информация, связь, безопасность, создание контента и решение проблем), а также цифровых технологий (Ragnedda, 2018).

Анализируя вышеприведенные подходы к человеческому и социальному капиталу, цифровой грамотности, цифровому капиталу, а также учитывая фокус настоящего исследования на региональной составляющей, автор настоящей

статьи предлагает свое понимание цифрового социального капитала регионов, который можно определить как накопление цифровых компетенций, информационных ресурсов и цифровых технологий людьми, проживающими в определенном регионе. Предполагается, что регионы с более молодой долей населения потенциально и фактически находятся в более выгодном положении с точки зрения формирования цифрового социального капитала.

Методы исследования

Эмпирическую основу исследования составляют официальные данные Федерального статистического наблюдения (данные Росстата) в сфере цифровизации общества в разрезе субъектов Российской Федерации по федеральным округам (данные за 2018–2022 гг.), такие как:

- использование населением персональных компьютеров;
- доступность широкополосного доступа в Интернет для населения (домохозяйств);
- использование Интернета населением;
- использование населением сети Интернет для получения товаров и/или услуг;
- использование населением сети Интернет для взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления.

Пятилетний период выбран для того, чтобы показать динамику цифровизации регионов Российской Федерации, начиная с 2018 г. — года запуска национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Кроме того, в этот период (с 2020 по 2022 г.) произошла эпидемия COVID-19, которая способствовала росту цифровых технологий и, следовательно, могла повлиять на формирование социального цифрового капитала.

Результаты

Цифровизация выражается прежде всего в доступности технологий, наличии доступа к Интернету, цифровым сервисам и услугам. В этой связи в фокусе настоящего исследования находятся несколько основных категорий по цифровизации, представленных в статистике Росстата. Для удобства восприятия эти данные представлены в виде диаграмм с последующим авторским анализом.

По представленным показателям за 2018–2022 годы наблюдается рост во всех федеральных округах РФ использования населением персональных компьютеров в пределах 10 пунктов (рис. 1). Наибольший прирост за этот период произошел в Северо-Кавказском федеральном округе — с 76,7% в 2018 г. до 87,3% в 2022 г. При этом в цифровом выражении по итогам 2022 г. лидирует Центральный федеральный округ с 92,4% пользователей среди населения в возрасте 15–74 лет. Следует отметить, что уже по состоянию на 2018 г. количество пользователей персональных компьютеров было достаточно высоким (более 80% во всех федеральных округах, за исключением Северо-Кавказского федерального округа), поэтому горизонт роста уже был относительно достигнут, и дальнейшее увеличение составило ограниченный диапазон в 10 процентов.

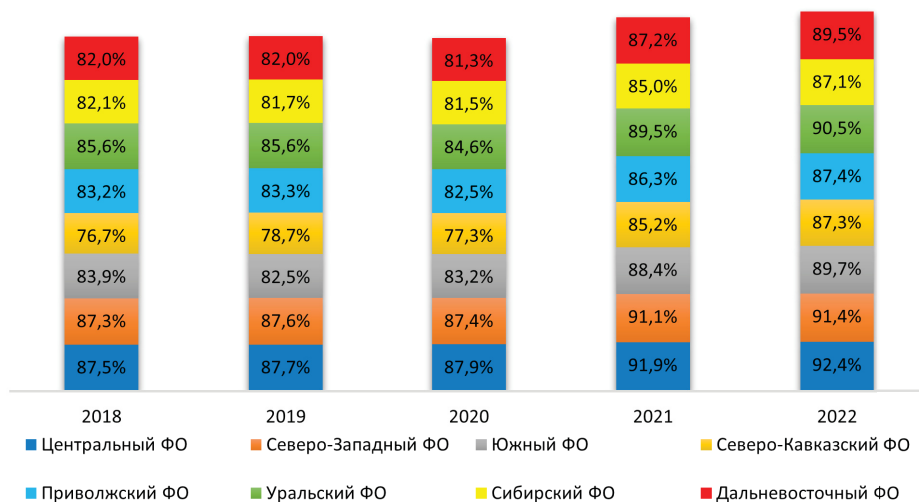

Рисунок 1 — Использование населением персональных компьютеров.

Figure 1 — Use of personal computers by the population.

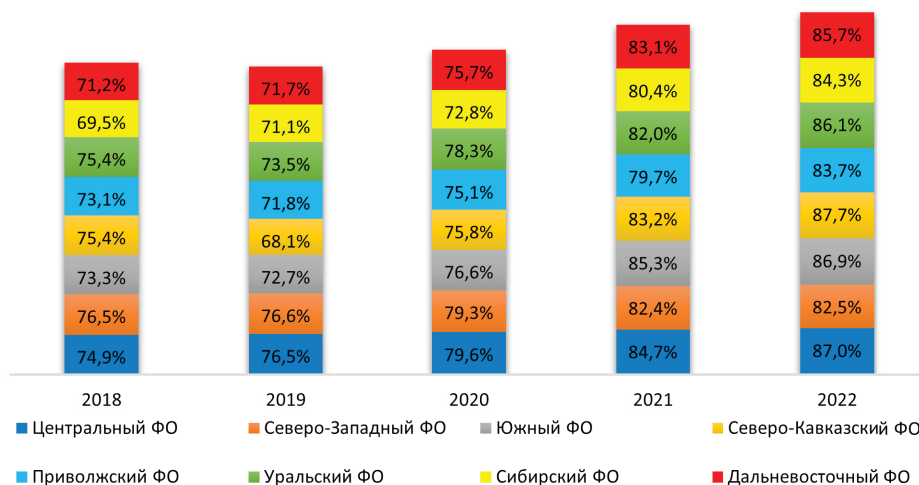

Рисунок 2 — Доступность широкополосного доступа в Интернет для населения (домохозяйств).

Figure 2 — Availability of broadband Internet access for the population (households).

Наличие широкополосного доступа в Интернет у населения (в домохозяйствах) также отмечается ростом показателей во всех федеральных округах (рис. 2). В отличие от предыдущей категории, здесь динамика роста выше — в пределах

15% за пятилетний период. Анализируя эти показатели, можно отметить, с одной стороны, значительное увеличение доступности Интернета для населения. С другой стороны, в эти годы доступ к Интернету не ограничивается домашними условиями, поскольку люди также имеют доступ к Интернету на работе, через смартфоны и т.д. Логично предположить, что реальная (абсолютная) доступность Интернета еще выше, что, в частности, подтверждают показатели следующей рассматриваемой категории.

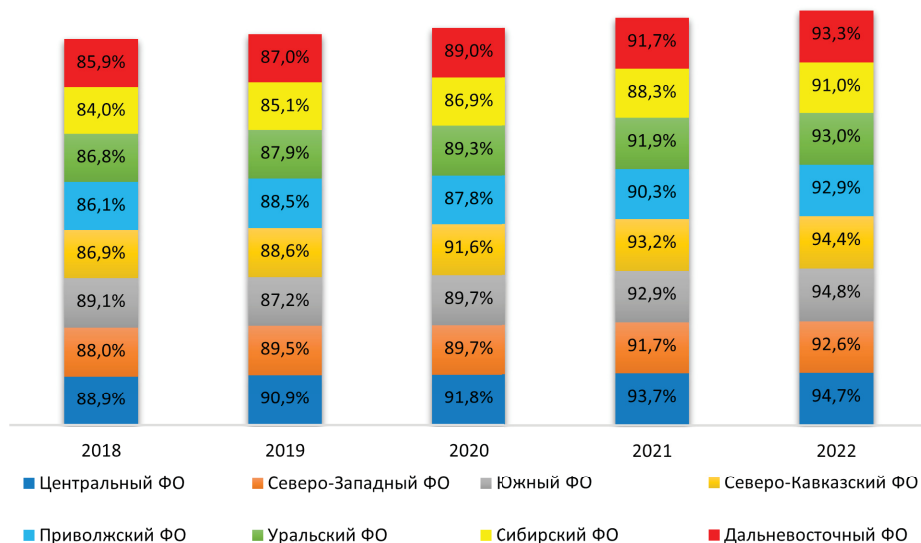

Рисунок 3 — Использование Интернета населением.

Figure 3 — Internet use by the population.

Показатели распространенности и доступности Интернета в период 2018–2022 гг. ожидаемо высокие, что связано как с развитием цифровых технологий, так и с другими факторами, такими как эпидемия COVID-19. Люди вынуждены еще больше обращаться к цифровой среде для делового общения и работы, а также отдыха. В результате мы видим, что по состоянию на 2022 г. во всех регионах РФ использование Интернета превысит 80% (рис. 3).

В отличие от трех предыдущих категорий, где отмечается умеренный рост показателей, в данном случае можно наблюдать не просто рост численности, а фактическое формирование нового массового сегмента — интернет-потребительства. В 2018 г. лишь небольшая часть населения (около трети в разных федеральных округах) использовала Интернет для получения товаров и/или услуг, однако к 2022 г. все федеральные округа перешагнули отметку в 50%, а показатель Центрального федерального округа даже достиг 65,8% (рис. 4). Это опять же может быть связано как с последствиями эпидемии COVID-19, так и с формирова-

нием новой цифровой среды в целом, в которой людям просто удобнее (по времени, местоположению и т. д.) размещать заказы онлайн.

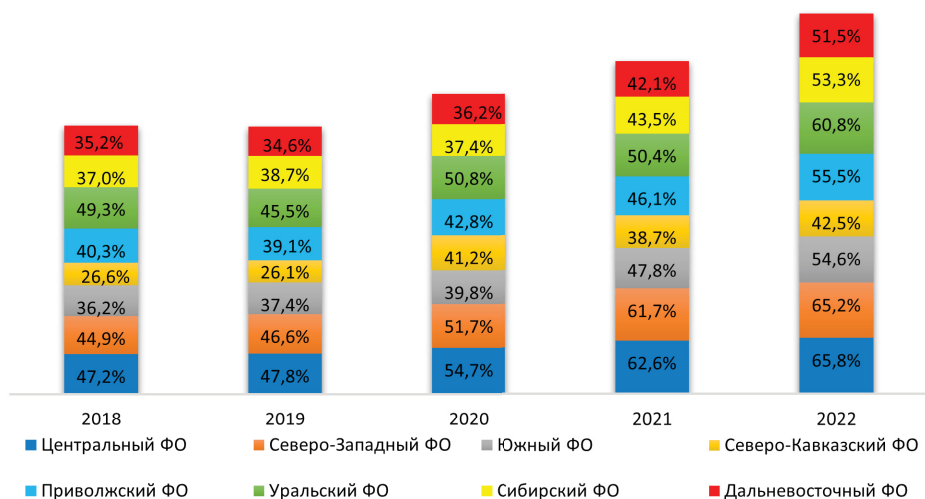

Рисунок 4 — Использование населением сети Интернет для получения товаров и/или услуг.

Figure 4 — Use of the Internet by the population to obtain goods and/or services.

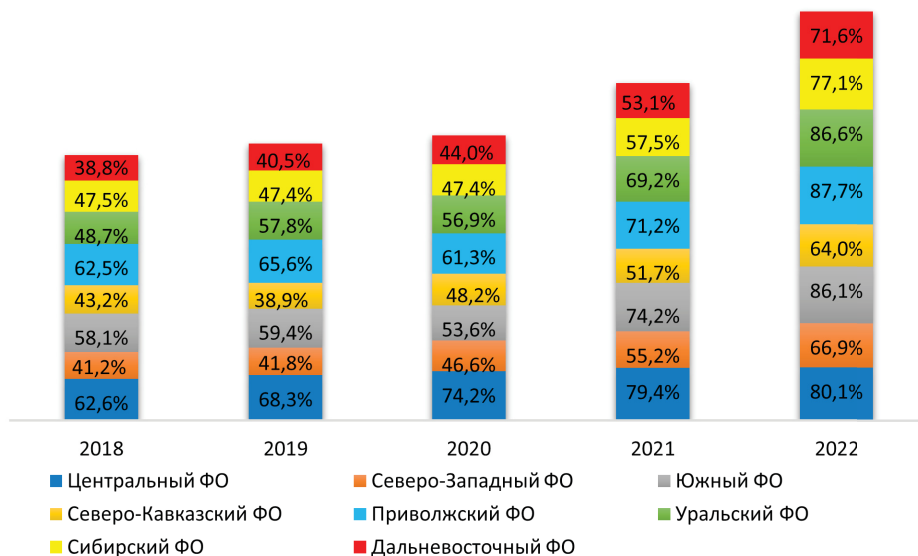

Рисунок 5 — Использование населением сети Интернет для взаимодействия с органами государственной власти и местного самоуправления.

Figure 5 — Use of the Internet by the population to interact with state authorities and local self-government.

Представленные показатели показывают чрезвычайно высокий уровень использования Интернета населением (в целом по России — 93,5% за 2022 г.), что свидетельствует о полномасштабном вовлечении населения в использование Интернета на всей территории страны. В связи с этим особый интерес для данной работы представляет другой тип данных, а именно неиспользование Интернета населением в возрасте 15–74 лет. Причинами неиспользования Интернета являются: соображения безопасности, отсутствие необходимости (нежелание пользоваться / отсутствие интереса), отсутствие соответствующих навыков, высокая стоимость подключения к Интернету и другие причины.

Как и в предыдущей категории, впечатляющий рост можно отметить во взаимодействии населения и органов власти через Интернет (рис. 5). Показательны, например, данные по Дальневосточному федеральному округу, показавшие рост с 38,8% в 2018 г. до 71,6% в 2022 г. Аналогичные цифры и по другим регионам — рост около 20%. Это также является признаком формирования новой цифровой среды, когда доступ к государственным услугам в форме их посещения фактически заменяется цифровым форматом — людям гораздо проще получать услуги онлайн, когда это возможно. В этой связи значимым замечанием является возраст респондентов 15–74 года, при этом именно люди пожилого возраста (старше 70 лет) являются основными потребителями социальных услуг и их вовлеченность в процесс цифровизации, с одной стороны, крайне важна, а с другой стороны, наблюдается существенное отставание в развитии цифровых услуг пожилыми людьми по сравнению с другими категориями населения. Следовательно, есть основания предполагать, что регионы с более высокой долей пожилого населения имеют меньший цифровой социальный капитал, чем регионы с иной возрастной структурой.

Проанализировав вышеприведенные данные Росстата по отдельности, следует также отметить общую корреляцию этих данных, а именно поступательный рост цифровизации по всем приведенным категориям в рассматриваемых федеральных округах. Государство должно выступать ключевым игроком в оценке цифрового капитала, создавая соответствующую информационную и образовательную среду, включая инфраструктуру. В целях развития цифровизации в Российской Федерации создана национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». Согласно этой программе на период 2018–2024 гг. планируется: 1) увеличение инвестиций в развитие цифровых технологий в различных отраслях экономики; 2) создание инфраструктуры безопасной передачи, обработки и хранения больших данных, доступной всем организациям; 3) увеличение доли «интернетизации» (с широкополосным доступом в Интернет) социально значимых объектов инфраструктуры и домохозяйств; 4) переход на создание и использование отечественного программного обеспечения. Таким образом, данная программа является ответом на развитие современных цифровых технологий и сервисов, определяющих глобальное развитие. Результатом реализации данной национальной программы является определенный уровень использования информационных технологий населением регионов России, что отражено приведенными данными Росстата за 2018–2022 гг.

Следует особо отметить социальную составляющую цифровизации. Отдельные категории граждан — пожилые люди и люди с ограниченными возможностями — нуждаются не просто в компьютерах и других современных средствах связи, а в компьютерах и средствах связи, адаптированных к их потребностям. Формирование и дальнейшее развитие цифрового капитала является важной задачей государственного управления, и в условиях цифровизации социальной сферы особое внимание требуется к социально-демографическим группам, находящимся в социально уязвимом положении в силу возраста или состояния здоровья. В этой связи важно отметить, что значительное повышение доступности цифровой среды, безусловно, является положительным показателем, тогда как полное использование потенциала цифровизации невозможно без качественного повышения цифровой грамотности.

Заключение

Показатели использования цифрового контента и услуг во всех федеральных округах Российской Федерации в период 2018–2022 гг. свидетельствуют не просто о развитии и росте цифровизации, а о формировании новой цифровой среды, которую можно охарактеризовать как цифровое потребление в самом широком смысле. Это обстоятельство, в свою очередь, формирует цифровой социальный капитал конкретных регионов, который можно определить как накопление цифровых компетенций, информационных ресурсов и цифровых технологий людьми, проживающими в определенном регионе.

Очевидно, что доступ к современным цифровым технологиям необходим повсеместно, но этого недостаточно для формирования цифрового социального капитала. В случае неиспользования или минимального использования этих технологий отдельными группами населения, например пожилыми людьми старше 70 лет, можно говорить о развитом цифровом социальном капитале конкретного региона только в ограниченном контексте. При этом данные Росстата показывают ограниченность использования цифровых технологий населением в категории 15–74 лет. Рассмотренные пять категорий относятся к базовым цифровым компетенциям, тогда как более сложные цифровые навыки (например, использование определенных программных продуктов), требующих специальной квалификации, доступны скорее ограниченному кругу людей.

Анализ цифровизации российских регионов показывает, что в настоящее время существенного регионального цифрового неравенства не существует. Использование цифровых технологий достаточно велико (более 80%), и этот показатель сопоставим в разных регионах РФ. Аналогичная ситуация наблюдается, по данным Росстата, с наличием компьютеров у населения и использованием Интернета, что свидетельствует об относительно равномерной общей цифровизации российских регионов.

Обобщая приведенные выше данные по федеральным округам РФ, можно сделать вывод, что в регионах России наблюдаются значительные темпы цифровизации, однако имеются вышеуказанные ограничения (возраст респондентов,

сложность компетенций). Цифровизация может определяться как частной инициативой и потребностями граждан в цифровой среде, так и усилиями государства, в частности, посредством реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Результаты исследования не фиксируют прямой корреляции между «цифровым благополучием» конкретного региона и структурой населения региона. У молодых людей более высокий уровень цифрового капитала, тогда как у старших возрастных групп, которые являются основными получателями социальных услуг, наиболее острые проблемы с качеством цифрового капитала. Соответственно регионы с более молодой долей населения потенциально и фактически находятся в более выгодном положении с точки зрения формирования цифрового социального капитала.

Резюмируя представленные выше данные и оценки, представляется обоснованным сделать вывод о том, что развитие цифрового капитала региона определяется не только формированием цифровой среды, но и созданием условий для увеличения цифрового капитала населения. Данное обстоятельство предполагает создание ресурсных систем для различных социальных групп, в том числе молодежи и пожилых людей. Последним, с одной стороны, сложно освоить новые цифровые навыки; с другой стороны, эта категория граждан является основной среди потребителей социальных услуг, которые с каждым годом становятся все более технологичными.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бабкин А. В., Буркальцева Д. Д., Костень Д. Г., Воробьев Ю. Н. Формирование цифровой экономики в России: сущность, особенности, техническая нормализация, проблемы развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2017. № 3. С. 9–25. doi: 10.18721/JE.10301.

Букхорст А. Медиа- и информационная грамотность. Медийно-информационная грамотность для общества знаний. М. : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2013. С. 35–44.

Итоги федерального статистического наблюдения по вопросам использования населением информационных технологий и информационно-телекоммуникационных сетей на официальном сайте Федеральной службы государственной статистики. URL: www.rosstat.gov.ru (дата обращения: 20.12.2023).

Касинская-Буддербег И. На пути к единому подходу к грамотности: медиа- и информационная грамотность // Медийно-информационная грамотность для общества знаний. М. : Межрегиональный центр библиотечного сотрудничества, 2013. С. 23–28.

Савина Т. Н. Цифровая экономика как новая парадигма развития: вызовы, возможности и перспективы // Финансы и кредит. 2018. № 3. С. 579–590. <https://doi.org/10.24891/fc.24.3.579>.

Шариков А. В. О четырехкомпонентной модели цифровой грамотности // Журнал исследований социальной политики. 2016. № 1. С. 87–98.

- Becker G. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*. 1962. Vol. 70, no. 5. P. 9–49.
- Billon M., Ezcurra R., Lera-López F. Spatial distribution of the Internet in the EU: Does geographical proximity matter? *European Planning Studies*. 2008. Vol. 16, no 1. P. 119–142. doi:10.1080/09654310701748009.
- Borodkina O.I., Sibirev V.A. The digital capital of social services consumers: factors of influence and the need for investment. *The Journal of Social Policy Studies*. 2021. Vol. 19, no. 1. P. 129–142. doi: 10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142.
- Bourdieu P. The Forms of Capital. In: J.G. Richardson (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education*. NY : Greenwood Press. 1986. P. 241–258.
- Bourdieu P., L. Wacquant P. *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago : University of Chicago Press, 1992. 348 p.
- Coleman J. Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *The American Journal of Sociology*. 1986. Vol. 91, no 6. P. 1309–1335.
- Coleman J. Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*. 1988. Vol. 94. P. 95–120.
- Gilster P. *Digital Literacy*. NY : Wiley, 1997. 130 p.
- Molinuevo D. *Impact of Digitalisation on Social Services*. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2020.
- Perron B., Taylor H., Glass J., Margerum-Leys J. Information and Communication Technologies in Social Work. *Advances in Social Work*. 2010. Vol. 11, no 2. P. 67–81.
- Ragnedda M. Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 2018. Vol. 35, no. 8. P. 2366–2375. doi:10.1016/j.tele.2018.10.006.
- Schulz T. Investment in Human Capital. *The American Economic Review*. 1961. Vol. 51, no. 1. P. 1–17.
- Spooner T. Internet Use by Region in the United States. Regional variations in Internet use mirror differences in educational and income levels, 2003. <http://www.pewinternet.org/2003/08/27/internet-use-by-region-in-the-u-s/> (дата обращения: 20.12.2023).
- Vicente M., López A. Assessing the regional digital divide across the European Union. *Telecommunications Policy*. 2011. Vol. 35, no 3. P. 220–237.

REFERENCES

- Babkin, A.V., Burkaltseva, D.D., Kosten, D.G., Vorobyev, Yu.N. (2017). Formation of the digital economy in Russia: essence, features, technical normalization, development problems. *Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki*, 10(3), 9–25. doi: 10.18721/JE.10301 (In Russ.).
- Boekhorst, A. (2013). Media and Information Literacy. In: *Media and information literacy for the knowledge society* (pp. 35–44). Moscow : Mezhhregional'nyj centr bibliotekhnogo sotrudnichestva. (In Russ.).
- Results of federal statistical observation on the use of information technologies and information and telecommunication networks by the population available at the official web-*

site of the Federal State Statistics Service. <https://www.rosstat.gov.ru>

Kasinskaite-Buddeberg, I. (2013). Towards a unified approach to literacy: media and information literacy. In: *Media and information literacy for the knowledge society* (pp. 23–28). Moscow : Mezhhregional'nyj centr bibliotechnogo sotrudnichestva. (In Russ.).

Savina, T.N. (2018). Digital economy as a new development paradigm: challenges, opportunities and prospects. *Finansy i kredit*, 24(10), 579–590. <https://doi.org/10.24891/fc.24.3.579>. (In Russ.).

Sharikov, A. V. (2016). About the four-component model of digital literacy. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki*, 14(1), 87–98. (In Russ.).

Becker, G. (1962). Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, 70(5), 9–49.

Billon, M., Ezcurra, R., Lera-López, F. (2008). Spatial distribution of the Internet in the EU: Does geographical proximity matter? *European Planning Studies*, 16(1), 119–142. doi:10.1080/09654310701748009.

Borodkina, O. I., Sibirev, V. A. (2021). The digital capital of social services consumers: factors of influence and the need for investment. *The Journal of Social Policy Studies*, 19(1), 129–142. doi: <https://doi.org/10.17323/727-0634-2021-19-1-129-142>.

Bourdieu, P. (1986). The Forms of Capital. In: J. G. Richardson (ed.) *Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education* (pp. 241–258). NY : Greenwood Press.

Bourdieu, P., L. Wacquant, P. (1992). *An Invitation to Reflexive Sociology*. Chicago : University of Chicago Press.

Coleman, J. (1986). Social Theory, Social Research, and a Theory of Action. *The American Journal of Sociology*, 91(6), 1309–1335.

Coleman, J. (1988). Social Capital in the Creation of Human Capital. *The American Journal of Sociology*, 94, 95–120.

Gilster, P. (1997). *Digital Literacy*. NY : Wiley, 130.

Molinuevo, D. (2020). *Impact of Digitalisation on Social Services*. Luxembourg : Publications Office of the European Union.

Perron, B., Taylor, H., Glass, J., Margerum-Leys, J. (2010). Information and Communication Technologies in Social Work. *Advances in Social Work*, 11(2), 67–81.

Ragnedda, M. (2018). Conceptualizing digital capital. *Telematics and Informatics*, 35(8), 2366–2375. doi:10.1016/j.tele.2018.10.006.

Schulz, T. (1961). Investment in Human Capital. *The American Economic Review*, 51(1), 1–17.

Spooner, T. (2003). Internet Use by Region in the United States. *Regional variations in Internet use mirror differences in educational and income levels*. <http://www.pewinternet.org/2003/08/27/internet-use-by-region-in-the-u-s/>

Vicente, M., López, A. (2011). Assessing the regional digital divide across the European Union. *Telecommunications Policy*, 35(3), 220–237.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Бородкин Максим Александрович — исследователь, Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия.

Maksim A. Borodkin — researcher, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

Статья поступила в редакцию 16.02.2024;
одобрена после рецензирования 10.03.2024;
принята к публикации 10.03.2024.

The article was submitted 16.02.2024;
approved after reviewing 10.03.2024;
accepted for publication 10.03.2024.